

ГОРЬКИЙ КАК ЧЕЛОВЕК

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

С Горьким я познакомился, а затем и подружился, сорок лет тому назад путем оживленной переписки. Переписка у нас завязалась в связи с моей статьей в «Образовании» о рассказах Горького «Челкаш» и «Тоска».

«Челкаш» я прочел в 1895 году, тотчас по его появлении в «Русском богатстве», когда я жил в костромской глуши. «Тоску» — в 1896 году, еще в рукописи, работая в редакции «Нового слова». Оба рассказа произвели на меня очень сильное впечатление. У этого, тогда еще совершенно неизвестного писателя я увидел «все признаки крупного художественного таланта».

В конце статьи я писал:

«Как-то даже страшно приветствовать новый талант: сколько уж молодых писателей обманули возлагавшие на них надежды! Откровенно сказать, мы боимся и за М. Горького, тем более, что ему, вероятно, приходится жить литературным трудом. Где же ждать вдохновения, когда необходим «форвард», чтобы уплатить за квартиру или купить провизии для обеда».

От редакции. В. А. Поссе — публицист, организатор журналов «Новое слово» (1897 г.) и «Жизнь» (1899—1901 г.). Один из основателей издательства «Знание». Ныне живет в Ленинграде.

Воспоминания В. А. Поссе, предоставленные автором «Горьковской коммуны», охватывают лишь часть деятельности А. М. Горького и не претендуют на освещенные революционной работой великого писателя.

Вскоре в редакцию «Образования» на мое имя пришло письмо одного нижегородского врача. Он писал, что я угадал тяжелое материнское положение Алексея Максимовича Пешкова, пишущего под псевдонимом «М. Горький».

Пешков — молодой человек, служащий письмоводителем у присяжного поверенного Лангина. Болен тяжелой формой туберкулеза. Ему необходимо поехать лечиться на юг, а средств нет.

Я немедленно стал хлопотать в литературном фонде о пособии Горькому. Мои хлопоты увенчались успехом. Горький прислал мне письмо, благодарил за статью, и за хлопоты.

«Ошибка в письме я наделал, верно, много, — писал он. — Вы уж не больно сердчайте. В гимназии я не учился».

Ошибка я не нашел. Да, правду сказать, я не искал их. Я всматривался в характерный почерк, который Горький сохранил до конца своей жизни. Ровный, прямой, с легким уклоном влево, с нажимом. Буквы несколько отстают друг от друга, как бы требуя самостоятельности.

Подписывал письма Горький своей настоящей фамилией, но не очень-то ее любил.

— А что, дядя, — говорил он мне позднее, — сумел я, ведь, выбрать себе псевдоним. Для этого тоже талант нужен. «Горький» — это бьет в самую точку. Не то, чтобы

и горевать хотел. Совсем нет. Я горечью души обличать хочу. Понял?

В феврале 1897 года «Новое слово» перешло из рук народников в руки легальных марксистов. В редакционном портфеле осталась принятая народнической редакцией рукопись превосходного рассказа Горького «Коновалов». Горький оставил «Коновалова» для новой редакции журнала.

Как раз в момент перехода «Нового слова» на рельсы легального марксизма Горький прислал мне оттиски своих рассказов из журналов и вырезки из провинциальных газет, где раньше помещались его очерки. Он просил похлопотать об издании их отдельной книжкой, если я найду, что они этого заслуживают, в чем он сомневается.

«А то бросьте их в сорную корзину».

Я все прочел залпом. В вырезках из газет были: «Песня о соколке», «Старуха Изергиль», «Ярмарка в Голтве», «На плотях» и другие такие же сильные, свежие, красочные вещи.

Я обратился к богатой dame Поповой, под фирмой которой выходило много книг по литературе и разным отраслям знания. Она, правда, не очень охотно согласилась издать очерки и рассказы Горького в двух томах, обещав заплатить за них 1000 руб. Обещала немедленно выслать деньги Горькому, который тогда очень нуждался. Какое же было мое огорчение и негодование, когда Горький переслал мне письмо Поповой, полученное им вместо денег.

Попова желала молодому писате-

лю всяких благ, особенно здоровья, так как слышала, что он тяжело болен, но от издания его очерков и рассказов вынуждена отказаться, так как затрачивает большие средства на полное издание сочинений Дарвина под редакцией К. А. Тимирязева.

Мелкий дамский почерк был наконец пересечен мужественным почерком Горького: «Видно, что у этой женщины золотое сердце!».

И больше ни слова.

Я, живший тогда в костромской глуши, помчался в Петербург и после ряда неудач нашел, наконец, издателей для Горького в лице старых интеллигентов, принимавших участие в народническом движении 70-х годов. 4 апреля 1898 года два томика рассказов вышли в свет.

Это первое издание очерков Горького заставило заговорить и маститых критиков. Но не критика создала успех Горькому. Его создал массовый читатель. Уже наборщики собирались вместе, соединяя грабли и с восторгом читали «своего» Горького, приговаривая: «Вот это наш—за живое берет».

Первое издание было расхватадо в несколько недель. Между издателями началась чуть ли не драка. Каждому хотелось издать Горького. Предлагались самые выгодные условия. В конце-концов, сочинения Горького стало издавать товарищество «Знание», пригласив его в пайщики.

«Чудесная это штука,—писал он мне шутливо из Ялты,—сделаться знаменитостью. Идешь по улице—все на тебя глаза пялят, точно ты, по крайней мере, крокодил. Кодаки (фотоаппараты) так и щелкают. Каждый день на обед приглашают. А уж этих «сташек чаю» не перечесть».

Через месяц после выхода очерков в свет, в мае 1898 года, когда я собирался поехать к Горькому в

Нижний, получаю от жены Горького Екатерины Павловны письмо, прямо ошеломившее меня.

«Что за ужасная была сегодня ночь,—писала мне Екатерина Павловна.—В 12 часов явились жандармы с обыском, перерыли все, забрали письма и увели Алексея. Как, за что, почему? Решительно не понимаю. Прокурор говорит, что обыск и арест—требование Тифлисского жандармского управления. Завтра Алексея отправляют туда для разбора дела. Я вчера была так поражена, что не расспросила как следует прокурора. Теперь жду 10 часов, чтобы отправиться в жандармское и передать для Алексея денег, если удастся достать где-нибудь. У нас, как на зло, было в доме 40—50 копеек, так что он отправился без гроша. Да, пожалуйста, скажите Добротворскому, чтобы он выслал остальные 300 рублей сейчас. Необходимо выслать мужу, да и самой с вышней жуть. Написала бы ему сама, да не знаю адреса,—увезли, верно, с письмами,—а Алексей не мог вспомнить и сказал, чтобы обратилась к вам».

Я тогда отправился к своему брату, работавшему профессором математики, надеясь воспользоваться его связями, чтобы облегчить участь Алексея Максимовича. Связи помогли. Горький был освобожден.

Лето 1898 года Горький пробыл в Самарской губернии, лечась кумысом, а к осени вернулся в Нижний, где над ним был установлен гласный надзор.

Я приехал к нему. Это была первая встреча с ним. До этой встречи я видел только одну фотографию Горького, присланную им мне.

Лицо Горького можно назвать прекрасным, если прекрасным считать не правильные черты лица, а выражение, которое у Горького

постоянно менялось и отражало работу мысли и чувства. То он как-то по-детски задорно улыбнется, то страдальчески поморщится, особенно, когда рассказывает о жестокости. При сильном впечатлении от трогательной сцены глаза Горького увлажнялись слезами. Так, например, это было с ним, когда он в Художественном театре смотрел «Дядю Ваню».

— Чуть не разнюнился,—сказал он мне, утирая глаза, и затем конфузливо улыбнулся.

Руки у Горького были исключительно красивые. Длинные, прямые, тонкие пальцы. Пожатие руки крепкое, доверчивое. Он брал вашу руку, как хорошо заметил Шолом Ащ, с «чисто-горьковской теплотой».

* *

Мы с Горьким не могли досыта поговорить. Выросло много общих интересов в связи с тем, что пайщики маленькой захудалой «Жизни» предлагали мне преобразовать ее в большой журнал. Я охотно согласился, так как остался не у дел после закрытия правительством «Нового слова».

На Горького я рассчитывал, как на основную литературную силу. Он обещал писать только в «Жизни» и начал развивать планы новых творений.

— За материалом нехватки не будет, на несколько жизней у меня его хватит,—говорил он.—Был тут в Нижнем купец, который против подлой купеческой жизни взбунтовался и под забором босяком умер. Вот я прежде всего за него примусь.

Квартира у Горького была небольшая, но уютная. В одной из комнат висели клетки с птицами.

Птицы пели и чирикали на разные лады, вылетали из клеток и садились на плечи к Горькому.

Это очень занимало сынишку Горького, карагуза Максимку, которого отец очень часто подкидывал на воздух, тормошил, но главное, бесконечно любил.

В 1901 году, после закрытия четырьмя министрами «Жизни», Горький писал мне:

«Я бы, может быть, удавился, покинув Россию. А утрату «Жизни» я пережил молча и все сожаления гордо отвергал. И ежели у меня умрет сын, которого я люблю больше всего,—тоже буду молчать и тоже пошло ко всем чертям всех сожалеющих. Нет, я не хочу доставлять удовольствие ме-

щанам, а сожаление есть их удовольствие».

Мне Горький как-то подарил свою очень удачную фотографию, на которой он изображен с сидящим у него на плечах Максимкой. На обратной стороне фотографии рукой Алексея Максимовича написано:

«М. Горький и лучшее его произведение».

Максимом он называл сына в честь своего отца, но, по крайней мере, в разговоре со мной протестовал, что его псевдоним М. Горький переледали без его согласия в

Максим Горький.

— Ишь, догадались! Теперь иные приятели-литераторы, в разговорах не называют меня иначе, как Максимом. В честь меня и прославили Максимом поезд, на котором порядочные люди не ездят.

• • •

К Горькому, в связи с моим приездом, приходили его нижегородские знакомые, присяжный поверенный Лантин, которому Горький

Окончание см. на 4 странице. 1

ГОРЬКИЙ КАК ЧЕЛОВЕК

(ОКОНЧАНИЕ)

посвятил первый том своих рассказов, служавший крестьянского банка Боданович, инспектор гимназии Щербаков, студент Васильев, доктор Золотницкий и другие.

Всех их Горький расхваливал, уверяя, что все они недюжинные люди, но в похвалы иногда вставлял болкое, злое словечко, которое запоминалось, а похвала забывалась.

Так, например, об одном почтенном нижегородском старожиле он как-то заметил:

— Человек достойный, только вот зад у него очень самоуверенный.

И, встречаясь с этим достойным человеком, я потом всегда смотрел на его несколько выпяченный зад, и мне он казался, действительно, самоуверенным.

Вообще Горький, человек по натуре добрый, считавший, как он говорил и писал, что люди заслуживают «нисходятельного отношения», был в то же время большой мастер на злые и меткие характеристики.

Осенью 1899 года Горький был освобожден из-под полицейского надзора и получил право свободного передвижения. Он тотчас же приехал в Петербург.

В редакции «Жизни» я решил устроить нечто вроде литературного банкета с участием видных петербургских литераторов. Поехали с Горьким приглашать В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского и многих других. Все встречали Горького очень приветливо; Горь-

кий держался просто, скромно, но с достоинством.

На банкете, прошедшем очень оживленно, много говорили о творчестве Горького. В ответ Горький сказал, что его творчество неумеренно преувеличивают. Если он имеет успех, то только потому, что «на безрыбьи и рак рыба, на безлюдьи и Фома дворянин».

Сказал и с виноватой улыбкой посмотрел на сидевших перед ним китов литературы.

— Эх, чорт, не умею я речей произносить,—сказал Горький, когда мы остались одни.—Бухнул шуру о безлюдьи и Фоме, а Короленко и Михайловский как раз передо мной. Как думаешь, просят?

Выступил Горький с чтением на публичном литературном вечере, устроенном одной студенческой организацией.

Когда на эстраду вышел Горький в своей черной русской рубашке с томиком рассказов в руках, все встало и долго аплодировало.

Горький прочел «Однажды осенью», прочел просто и совсем не артистически. Овацья. Прочел начало рассказа «Еще о чорте». Бурия аплодисментов. Но больше читать Горький не стал.

В театры Горького пускали, несмотря на его пролетарский костюм, а вот в модный тогда ресторан Палкина (на углу Невского и Владимирской) пустить не хотели.

Повел я его туда поужинать: разделесь, стали подниматься в ресторанный зал. Дорогу преградил официант во фраке и сказал:

— Вам (обращаясь ко мне) пройти можно, а он (указывая на Горького) пусть идет в наш трактир для простолюдины. В деревенских рубахах нам не велено пущать. У нас господа офицеры обедают.

Я возмутился и указал, что офицеров хоть отбавляй, а таких, как писатель Горький, по пальцам перечесть.

Подождал метр-дотель и, узнав в чем дело, извинился и велел пропустить Горького. Но Горький идти не захотел.

Мы пошли в ресторан «Малый ярославец» на Марской и, во избежание новых недоразумений, взяли отдельный кабинет.

В 1900 году мы встретились в Москве. Мне очень хотелось познакомиться Горького с Львом Николаевичем Толстым, который в то время хорошо относился ко мне.

Написал ему письмо, что хочу привести к нему молодого писателя Горького. Тотчас получил записку от дочери Марии Львовны. Она писала, что «Папа болен», но тем не менее готов повидать нас.

Мы поехали к Толстому, жившему в Хамовническом переулке. Толстой для нас поднялся с постели и целый вечер беседовал очень оживленно. «Фому Гордеева» и рассказы Горького он читал. «Фома Гордеев» ему не понравился. Он прямо сказал Горькому, что ~~нельзя~~ читать «Фому», но не мог кончить. «Больно скучно у вас выдумано». Но рассказы Горького Тол-

стому очень нравились. Особенно он хвалил «Ярмарку в Голтве».

«Просто, правдиво. Так и пишете».

Но видно, особенно понравился ему сам Горький.

Когда я на другой день, уже один, был у Толстого, он сказал мне.

— Нравится мне ваш приятель. Есть в нем что-то мужицкое. Я его, кажется, обидел своим отзывом о «Фоме». Не сказал я ему самого главного. За ним навсегда останется крупная заслуга. Он показал нам живую душу в босае, как Достоевский показал ее в преступнике.

Когда мы от Толстого ехали с Горьким на извозчике, я спросил Горького:

— Ну, как тебе понравился Толстой?

— Как тебе сказать... Финляндия какая-то. Ни свое, ни чужое. Ни холодно, ни жарко.

Осенью того же года мы ездили с Горьким к Толстому в Ясную Поляну.

Яснополянский быт произвел на Горького неприятное впечатление, хотя и сам Лев Николаевич, и Софья Андреевна, и их дети всячески старались показать Горькому, что они его высоко ценят. Софья Андреевна сняла Горького с Толстым под «деревом бедных» и прочила ему не меньшую славу, чем слава Льва Николаевича. Но Горький хмурился.

Как-то Лев Николаевич подошел к нему, когда он сидел в кресле, и ласково спросил:

— Не любите вы меня, Алексей Максимович?

— Не люблю,—отрезал Горький,

но потом прибавил: —А все же большое вам спасибо, что в «Воскресении» так хорошо написали о русских революционерах.

Весной 1900 года мы ездили с Горьким в Ялту к Чехову. Чехов и Горький сразу повяли и полюбили друг друга.

Горький ставил Чехова выше всех беллетристов и постоянно говорил, что не у него, Горького, а у Чехова надо учиться молодым авторам кратко и метко писать.

Зимой 1900 года Чехов приехал в Москву. Мы с Горьким тоже были тогда в Москве. Часто ходили в Художественный театр, с артистами которого Горький быстро подружился.

В 1901 году Московский Художественный театр приехал на первую гастроль в Петербург. Редакция «Жизни» во главе с Горьким считала артистов театра своими гостями. Устраивала для них банкеты.

Банкет 4 марта совпал с известной демонстрацией на Казанской площади, демонстрацией, окончившейся жестоким избиением демонстрантов. Мы с Горьким вернулись домой с демонстрации подавленные, озабоченные.

Мне не хотелось после этого идти на банкет, хотя я и был одним из его устроителей. Но Горький решил, что надо идти и попробовать расшевелить собравшихся литераторов и артистов.

Пошли. Я произнес речь, призывающую к открытому протесту против насилий самодержавной полиции. Одни пожимали мне руку, другие, как артист «Александринки» Сазонов, ушли с криками, что

они явились на чествование искусства, а не революции.

После банкета писатели отправились в союз писателей и написали резкий протест против насилия полиции. Одним из первых подписал протест Горький.

Организация, помогавшей высланным за демонстрацию студентам, Горький дал 5000 руб.—гонорар за отдельное издание «Фомы», выпущенное «Жизнью».

В апреле вся редакция «Жизни» была арестована в Петербурге. Горький был арестован в Нижнем.

На этом я прерываю отрывочные, далеко не полные воспоминания о своем великом друге.

Мучительно думать, что никогда больше не увижу красноречивой игры его умного лица, не услышу его грубовато-ласкового баса, не пожму его прекрасную писательскую руку.

Почему-то сейчас вспомнил, как летом 1917 года я зашел к нему в редакцию «Новой жизни». Он увел меня в кабинет. Крепко обнял, потом слегка оттолкнул и, посмотрев на меня как-то особенно грустно и нежно, сказал:

— Эх, дядя, состарился мы с тобой.

Нет, Горький не умел стариться. Несмотря на свои почти 70 лет, он умер молодым. Он был полон творческих сил, и, если бы не гнусное злодеяние контрреволюционеров, врагов всего светлого и плодотворного, мог бы еще много и плодотворно работать на благо своей родины и трудящихся всего мира. Грядущим поколениям он завещал неутомимую жизнь, всегда молодую, всегда творческую.